

VI ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНГРЕСС ПОЛИТОЛОГОВ
«РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ:
ИНСТИТУТЫ И СТРАТЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ»
круглый стол ВЦИОМ
*«Образ врага в стратегиях и практиках политической борьбы:
политические дивиденды и социальные риски».*
(23 ноября 2012 г., МГИМО)

Модератор (Михаил Мамонов, ВЦИОМ, руководитель проектов департамента социально-политических исследований): Уважаемые коллеги, я рад приветствовать вас на круглом столе, инициатором которого выступил ВЦИОМ. Прежде всего, хотелось бы поблагодарить Российскую Ассоциацию Политических Наук за то, которая пригласила нас провести в рамках своего конгресса это мероприятие. Тема, которую мы вынесли как предмет обсуждения: образ врага в стратегиях и практиках политической борьбы, политические дивиденды и социальные риски. Нам бы хотелось, чтобы наше обсуждение было посвящено не столько технологиям формирования образа врага, сколько социальным последствиям как положительным, так и отрицательным от того, что данное явление есть, от его использования, посмотреть какие социальные риски имеются, особенно в разрезе той кампании, которая прошла [выборные кампании – парламентская 2011 г., президентская 2012 г.]. Мы хотели уделить внимание именно социальным последствиям от реализации такой технологии, как образ врага. Наша работа будет состоять из двух частей. В начале я хотел бы предложить нашим выступающим по 12 минут, далее по 2-3 вопроса можно будет задать выступающему, а потом перейдем в формат свободного выступления, свободного обмена мнениями. Есть какие-то вопросы по поводу участия в нашем Круглом столе? Итак, я хотел бы повторить нашу повестку дня: Чего больше в образе врага: созидания или, наоборот, разрушения? Какие сферы жизни общества являются наиболее уязвимыми по отношению к образу врага? Есть ли противовесы, которые позволяют нивелировать подобную технологию? Почему образ врага эффективен, и при каких условиях он эффективен? Какова возможность дальнейшего развития данной технологии? Есть ли альтернативы, и в чем они состоят? Первое слово я хотел бы предоставить Валерию Валерьевичу Федорову, генеральному директору ВЦИОМ.

Валерий Федоров (генеральный директор ВЦИОМ): Вряд ли я смогу ответить на все вопросы, которые сформулировал наш модератор, тем более, что у меня более узкая тема. Я хотел разобрать образ врага в избирательных кампаниях, а избирательные кампании, конечно, имеют особый жанр, он довольно краткосрочный: необходимо сконцентрировать внимание людей на определенных вещах на довольно непродолжительное время. Главное, что называется не расплескать, донести их до дня голосования, а дальше хоть трава не расти. Может быть, это звучит цинично, но это закон данного жанра. Здесь представлены [демонстрируется презентация] уже на первом слайде две «веселые картинки», одна из них - это «Партия жуликов и воров», т.е.

образ врага, который сформировался в ходе первой из этих двух избирательных кампаний, парламентской. Ну, а чуть ниже: «Болтать - врагу помогать». Я не нашел лучшей картинки, это образ, который должен визуализировать вторую кампанию, кампанию по выборам Президента, где главными врагами стали «агенты Госдепа» и «оранжисты».

В теорию образа врага я не буду углубляться, вопрос довольно хорошо исследован, в том числе и некоторыми сидящими в этом зале, скажу только, что формирование образа врага - эффективная политическая технология, неоднократно демонстрировавшая значительное влияние на исход выборов в самых разных странах и в самое разное время. Россия - не исключение. Наверное, первым и самым ярким примером эффективного применения этой технологии было ее использование в 1996 году, когда Борис Ельцин буквально за несколько месяцев смог нарастить свой рейтинг и по итогам двух туров переизбраться Президентом России. Там интересующая нас технология использовалась по полной программе, формирование образа врага состоялось успешно. Врагом были назначены коммунисты, которые в случае поражения Бориса Ельцина должны были вернуть страну в эпоху тотального дефицита, однопартийной диктатуры и железного занавеса. И образ этот рассеялся, как все мы помним, буквально через пару месяцев после выборов.

В нулевые годы образ врага активно использовался в ходе разнообразных кампаний. Вот здесь приведены некоторые из них, например, на выборах 2003-го года был громкий эпизод с косой Тузла, которая стала той пядью, которую мы никак не можем отдать «врагам» (в лице Украины), на этом сильно поднялось движение «Родина», которое образовалось всего за несколько месяцев до выборов. Другим образом врага, который параллельно так же активно использовался этим движением, были олигархи. Были сняты знаменитые ролики, где Сергей Глазьев и Дмитрий Рогозин сидели и говорили, как одному не нравятся олигархи, а другой говорил: «Не нравится - не ешь!». Через два года на выборах в Мосгордуму движение «Родина» сделало упор на теме гастарбайтеров, которые «отнимают рабочие места и угрожают безопасности москвичей и столичной культуре». В результате [движение] было отстранено за всяческий экстремизм и нарушения закона о выборах.

В думской кампании 2007-го года также был весьма ярко нарисован образ врагов или врагов, потому что они были внешние и внутренние, они были актуальные и из недавнего прошлого, они смыкались, и Россия вновь предстала в кольце врагов - и во времени, и в пространстве. Конечно, это было тоже одним из факторов, которые помогли «Единой России» триумфально набрать почти две трети голосов. В последующей кампании 2008-го года «врага» как такового не было, но эксплуатировался страх утраты стабильности, предсказуемости, а также

потери суверенности России в случае неправильного выбора преемника Путина. В общем, выбор был правильным, с первого раза Медведев набрал больше 70% голосов.

[Следующий слайд] Теперь начнем с выборов 2011 года в Госдуму, как он мне видится через призму применения этой технологии. Главным результатом выборов, конечно, стало снижение результата «Единой России» с 63 до 49%, причем даже этот результат, 49%, признается далеко не всеми. В чем причина? Образ врага, который правящая партия «Единая Россия» пыталась предложить избирателям, оказался неактуальным, неновым, блеклым, беззубым, в общем, функцию свою выполнить не смог. Ни одного нового врага изобретено не было, была предложена конструкция, которая, быть может, неплохо сработала в 2007-2008 гг., но в 2011-ом году оказалась неактуальной и неправдоподобной. Это те самые враги, внешние и внутренние: враги из «лихих 90-х», это иностранцы и их агенты, это олигархи, ну, в общем, все то, что уже много раз разоблачалось довольно успешно. Мобилизовать свой электорат «Единой России» такими врагами не удалось. Часть тех, кто еще в начале кампании планировали голосовать за «Единую Россию», остались дома.

Тем не менее без «врагов» на выборах невозможно, и эти враги были найдены, но нашла их не «Единая Россия». Их нашли совершенно другие силы, и в результате «врагом» оказалась сама «Единая Россия», впервые выступив в этом качестве за всю свою десятилетнюю историю. Таким врагом она стала с легкой руки Алексея Навального, которого вся несистемная оппозиция очень быстро поддержала, а затем и системная оппозиция тоже. Был сформирован образ «партии жуликов и воров», приклеен к «Единой России», которая тут же оказалась виноватой и в низком жизненном уровне россиян, и во всеобщей коррупции, в деградации здравоохранения и образования, в неэффективности власти и во всем остальном. Призыв к избирателям проголосовать за любую партию, кроме партии жуликов и воров, сработал эффективно и, таким образом, технология образа врага впервые с 96-го года была удачно использована не правящей партией, а ее оппонентами. Вот такой общий рисунок.

[Следующий слайд] Пробежимся по этапам большого пути формирования вот этого образа врага. Запуск состоялся заблаговременно, еще в начале февраля 2011 г., когда в эфире радиостанции «Финам ФМ» Навальный сообщил, что считает «Единую Россию» партией жуликов и воров, а ее лидера, Владимира Путина, создателем коррупционной системы под названием "вертикаль власти". Спустя некоторое время Навальный в своем блоге разместил голосование, в котором предложил читателям ответить на вопрос: "Является ли «Единая Россия» партией жуликов и воров?". Приняло там участие почти 38 тысяч человек и 96,6% (очень демократичный процент) ответили положительно: "является". Кроме того, через несколько недель прошла интересная интернет-акция: неизвестные запустили сайт «Единая Россия - партия жуликов и

воров» и назвали его именем «партияжуликовиворов.рф». Адресная строка якобы вела на главную страницу официального сайта «Единой России». Эта подделка была реализована с помощью технологии Iframe, позволяющей полностью ретранслировать в отдельном окне содержание другого сайта. Это все более чем за полгода до избирательной кампании было придумано.

[Следующий слайд] Суть своей политической стратегии Алексей Навальный сформулировал в интервью журналу New Times за несколько недель до выборов: «Общая задача любой оппозиции - создать проблему действующей власти и ее опоре, партии жуликов и воров». Вот смысл стратегии: «Голосуй за любую партию, кроме Единой России». Она формирует принципиально новое политическое пространство с очень четким делением: «Мы все против них!». Эту стратегию поддерживают и эсеры, и коммунисты, и демократы.

[Следующий слайд] Действительно к этому времени стратегию Навального стали поддерживать и эсеры, и демократы, и все, кто угодно. Вот несколько примеров. В своем блоге в середине ноября, фактически за месяц до первых протестов белоленточных в Москве, Акунин, якобы аполитичный, заявляет: «Послушайте, а давайте огорчим жуликов, не поленимся, пойдем и используем свой шанс повлиять на политику страны». Дальше - «Русский марш» 4 ноября 2011 года, традиционное событие, в данном случае «мимо проходил», около 8 тыс. человек собралось: «Хватит грабить русские регионы!», «Хватить кормить Кавказ!», «Долой партию жуликов и воров!». Иван Мельников, зампреда ЦК КПРФ, одной из системных партий, 24 ноября: «Я хочу сказать спасибо за то, что все понимают, мы - реальная альтернатива партии жуликов и воров».

[Следующий слайд] Были ли попытки «Единой России» противостоять кампании «Против жуликов и воров!»? Первая попытка была еще в феврале предпринята. Федоров, депутат от «Единой России», пришел с Навальным в студию «Финам ФМ» и пытался противостоять, но по итогам радиоголосования 99% голосов было отдано Навальному. В ходе самой избирательной кампании были попытки запретить агитационные ролики, в частности «Справедливая Россия» и ЛДПР (не все из них, конечно, были по поводу «жуликов и воров»). Ну, вот, например, у «Справедливой России» был один из роликов, где звучал слоган: «За Россию без жуликов и воров!». Они не были показаны, потому что ЦИК РФ сочла, что они противоречат законодательству.

[Следующий слайд] Это были, так сказать, пассивные попытки запретить. Были и активные попытки. Например, Александр Хинштейн в теледебатах с Владимиром Жириновским, когда его обвинили, что Хинштейн состоит в партии жуликов и воров, сказал, что «я предпочитаю быть в партии жуликов и воров, чем в партии убийц и насильников». Дальше, Владимир Путин на съезде

«Единой России» 27 ноября, прямо не называя вот этот вот мем «Партия жуликов и воров», попытался дать ответ обычным способом, сказав: «Мы знаем, что и в эти дни представители иностранных государств собирают тех, кто ищет деньги, так называемые грантополучатели, и устраивают их на соответствующую работу, чтобы повлиять в итоге на ход избирательной кампании. Бесплезный труд. Как говорят у нас в народе: "Деньги - на ветер"».

[Следующий слайд] Были попытки и других врагов назвать со стороны «Единой России», так сказать, сбить прицел. Например, Дмитрий Медведев объявил врагами националистов, а также тех, кто пытается националистический аспект развить в ходе этой избирательной кампании. Сергей Неверов обвинил коммунистов в том, что они проводят в депутаты людей с криминальным прошлым, на то, чтобы всех назвать поименно, у Неверова ушло несколько минут. Андрей Исаев написал в Твиттере такую, например, фразу: «Подпиндосники получили задание на выборах голосовать за КПРФ, в ближайшее время мы услышим подтверждения». Подпиндосник человек, работающий в интересах США. Ничто из этого не помогло «Единой России». Кампания против неё оказалась успешной.

Можно было ожидать, что эта кампания продлится и в ходе выборов 2012 года, но этого не произошло. Почему этого не произошло, подробно мне рассказать не удастся в связи с дефицитом времени, но общий рисунок набросаю. Антирежимная оппозиция не сумела сформировать эффективно распознаваемый и правдоподобный образ врага на президентских выборах. «Партия жуликов и воров» - это ярлык, приклеившийся к «Единой России», но не к Владимиру Путину. Все-таки Владимир Путин всегда стоял особняком от «Единой России». Более того, в ходе избирательной кампании 2011 г. он от нее дистанцировался. Напомню, список «Единой России» возглавлял Дмитрий Медведев. Призывы обеспечить массовое протестное голосование по принципу «Ни одного голоса Путину», заверения в том, пока есть Путин, невозможно добиться честных выборов, не сработали.

Еще одна из причин - это, собственно говоря, эффективная кампания «За честные выборы!», развернутая по принципу степного пожара: если горит с одной стороны, зажигай с другой. Напомню, это и веб-камеры всеобщие, наблюдатели «За честные выборы» и т.д. В общем, главный лозунг, который белоленточная оппозиция вытасила после выборов в декабре что украли все, и срочно нужно этот воровской режим скидывать в народ не пошел. Власть нашла эффективное противодействие.

И кроме того, Путин и его команда смогли сформировать искусственный и правдоподобный для определенной части избирателей образ врагов в лице Госдепа и его агентов. Я не считаю, что Путин победил, потому что он смог сформировать такой образ врага, он победил по другим причинам. Но то, что ему удалось сформировать такой образ врага, внесло свою лепту, и довольно

существенную, в дело мобилизации пропутинского электората, а также привлечения в его поддержку некоторой части избирателей, настроенных патриотически, отчасти даже националистически - не имевших своего кандидата на выборах, решавших за кого проголосовать и сделавших выбор в пользу Владимира Путина в значительной части благодаря этой кампании. Врагами, конечно, стали Госдеп и его агенты, они были ассоциированы с Болотной площадью и участниками протестных выступлений. Ну, а всем желающим аргументы в пользу такого вывода прочитать, можно скачать презентацию на сайте ВЦИОМ.

Модератор: Пожалуйста, коллеги, вопросы.

Куракина (Самарская область): Валерий Валерьевич, как Вы считаете, вот этот образ врага, он создавался специально или это какой-то случай, эмоции?

Федоров В.: Нет, конечно, в обоих случаях образ врага конструировался специально, специально раскручивался, и в обоих случаях он весьма успешно сработал.

Куракина: Насколько заранее создавался?

Федоров В.: Ну, по Навальному я уже показывал, это февраль 2011 года. В то время как официальная избирательная кампания стартовала только в сентябре, а выборы были в декабре. Что касается Госдепа, очевидно, что это не новый образ врага, он был просто актуализирован в критической ситуации декабря 2011 года. Власть искала контрстратегию, думала, как построить контригру с тем, чтобы президентские выборы прошли лучше парламентских.

Малинова О. (ИНИОН): Выбор внутреннего и внешнего врага. Вот когда играют во внешнего врага, есть ли какая-то с Вашей точки зрения закономерность?

Федоров В.: Да, конечно, есть, собственно говоря, это одна из причин низкого результата «Единой России» на декабрьских выборах. Были попытки актуализировать образ внешнего врага, я не о всех сказал, например, в конце ноября Дмитрий Медведев сделал такое внушительное выступление по поводу ПРО. Цитату Владимира Путина я уже приводил, и другие члены кампании из числа единороссов тоже постоянно говорили о внешних врагах. Не сработало. Почему? Вопросы, которые мы задавали относительно страхов людей, чего они боятся, и насколько они верят, например, в оранжевую революцию и т.д., вот они показывают (мы проводили осенью эти опросы), что главные страхи носили социально-экономический характер, социально-политический. Во-вторых, главными проблемами считались внутренние проблемы страны: та же самая коррупция, инфляция, бюрократизм, неэффективность власти, а не внешние: англичане гадят, США и т.д. Это ситуация осенью. Конечно, когда Навальный указывает на внутреннего врага, а единороссы говорят о внешнем враге - понятно, кто эффективнее. Но ситуация довольно быстро перевернулась уже буквально в течение месяца-полутора, причем не в результате какого-то

резкого изменения в мире, а в результате (это сложный феномен) акций уличного протеста, который был достаточно неожиданным для основной части избирателей. Возник вакуум, который должен быть заполнен какими-то интерпретациями. Кто эти люди? Это прекрасные, честные наблюдатели, которые приняли несправедливость и пришли бороться за нее, против беспредела, - или это зажавшиеся запродавцы, иностранные наймиты, которые хотят нас вернуть в хаос 90-х или чего похуже?

Политолог из ЛДПР: Образ врага реально соответствует реальному образу врага?

Федоров В.: Это вопрос? Здесь сидит Геннадий Козырев, у которого немало об этом написано, может, не точно процитирую, но смысл такой, что образ врага - всегда сложное формирование, он может отвечать реальности, то есть фиксировать реальные проблемы, а может быть сугубо манипулятивным конструктом. На мой взгляд, в обоих случаях это был конструкт.

Модератор: Спасибо. Коль Валерий Валерьевич уже назвал Геннадия Ивановича Козырева, то я предоставляю ему слово. Пожалуйста, строго следим за регламентом, я буду Вам напоминать по мере возможности.

Козырев Геннадий Иванович (кафедра политической социологии РГГУ): Итак, уважаемые коллеги, хоть здесь и сказали, что технология образа врага ни о чем не говорит, но я не могу все-таки несколько слов не сказать об этом. Например, о том, что в процессе формирования образа врага идет одновременно конструирование образа жертвы. Ну, например, США и НАТО обвиняют в 90-е гг. или, вернее, назначают косовских албанцев на роль жертвы, и естественно, Сербия становится врагом, из которого и формируется этот образ. При этом враг может быть как раз и самой жертвой. Ирак мы возьмем как страну независимую, которая была обвинена в непонятных грехах, и на нее обрушилась вся мощь Соединенных штатов и некоторых стран Запада. Вот вам, пожалуйста, враг-жертва.

А теперь вернемся непосредственно к вопросам, которые у нас у всех перед глазами. Образ врага – это средство. Например, такое, как динамит, который можно использовать как для взрыва, допустим, какой-то горной породы, строительства домов, и можно использовать, чтобы взорвать общество или разрушить какие-то отношения. Это средство и не более того. Хотя это средство опасное, и им надо действовать как можно осторожнее.

Далее. Программирование процесса и формирование образа врага, конечно же, возможно, для этого необходимо конструировать определенный тип жертвы, например, жертва-герой, жертва-этнос, жертва-страна и т.д., далее формируется соответствующий образ врага. Я об этом, как здесь сказано, написал немало. Есть различные формы образа врагов, которые формируются для конкретной ситуации и в зависимости от этой ситуации достигает определенных целей. Ну,

например, взрываются башни-близнецы, находящиеся в самом центре Нью-Йорка, США объявляются жертвой терроризма, терроризм объявляется врагом номер один, а далее начинается непосредственная реализация задуманных целей. Это вот конкретная программа действий.

Что касается второго ответа, я разделил бы его на две составляющие: на объективные условия и субъективные факторы. К условиям я отношу преимущественно авторитарный образ мышления российского общества или российских граждан по принципу: кто не с нами, тот не прав. О причинах такого мышления необходимо, конечно, отдельно разговаривать. Что касается факторов - это, прежде всего, жизненные проблемы, которые не решаются должным образом. Поэтому уязвимыми по отношению к образу врага являются следующие сферы: это распределение доходов, где на роль врага можно выбрать чиновника-коррупционера, оборотней и т.д.; это сфера межнациональных отношений, сфера ЖКХ, здравоохранения - их можно перечислять до бесконечности, потому что у нас в каждой сфере есть свои жертвы и свои враги. Я смотрел недавно передачу про догхантеров, почти на пустом месте возникла проблема: когда власти не борются с беспризорными собаками, возникает движение догхантеров, любители животных объявляют их врагами, догхантеры объявляют других врагами, и в своих выступлениях говорят, что готовы на крайние меры. Пожалуйста, из пустого места - образ врага.

Далее ответ на третий вопрос. Анализ методов и целей формирования жертвы в архаичные времена и в настоящее время позволяет сделать вывод, что образ врага был востребован в любом обществе, как в первобытном, так и сейчас. Только в нашем обществе усложнение социальной структуры, увеличение различных сфер жизнедеятельности и естественно техническая оснащенность позволяют более изощренно делать эти образы врага. Не так, как в первобытном обществе: объявили врагом, сказали, что кто-то кому-то мешает, и вперед на него с копьями. Вот, пожалуйста, для того, чтобы сделать из Аль-Каиды и Усама Бен Ладена [врага] США что потребовалось? Взорвать две башни, самолеты, многочисленные жертвы, огромный аппарат СМИ и другие различные ресурсы. Но и эффект от этой жертвы и от этого конструирования образа врага достаточно большой. И мы знаем, что США достаточно эффективно в нулевые годы, именно пользуясь образом врага, уничтожали другие страны и достигали своих интересов.

Далее четвертый вопрос. Эффективность и неэффективность образа врага в российской политике зависит от следующих факторов: 1) от реально существующей внешней и внутренней угрозы со стороны реальных врагов, вот здесь как раз мы говорим о реальных врагах; 2) от прошлых обид, сформировавшихся стереотипов, сохранившихся в памяти народа; 3) от состояния самого общества в конкретный период времени, ну, например, значительное количество людей, неудовлетворенных своим уровнем жизни или состоянием дел в стране, на подсознательном

уровне или осознанно начинают искать виновных, то есть начинают искать врагов, в этих условиях они становятся легкой добычей для любого манипулирования. Если народ уже возбужден, достаточно кинуть им искорку небольшую, и возникает какой-то образ врага. Ну, допустим, можно кинуть такую искорку как Pussy Riot, и все общество начинает будировать вокруг этого, забывая реальные проблемы, забывая огромный разрыв между бедными и богатыми, забывая о том, что одни обогащаются за счет других и т.д. Можно кинуть такую идею, как вынос тела Ленина. Если это не действует, можно внести совершенно дурацкий закон или инициативу этого закона, законопроект какой-то и потом муссировать в СМИ, как какой-то депутат сказал очередную глупость. Далее, эффективность образа врага также зависит от выбранных средств и умения самих модераторов сделать этот образ врага более актуализированным, демонизировать его. Я приведу пример: недавно в связи с обострением отношений между Японией и Китаем, Китай очень умело использовал образ врага, они стали бойкотировать, разжигать этот образ внутри Китая, бойкотировать японские товары, проводить акции против японских фирм. И вот в результате что получилось: автомобильный концерн Nissan в КНР, выручка его упала на 20%, Mazda - на 40%, Honda - на 60% и т.д. Вот вам пример эффективного использования образа врага: конкурент фактически поставлен чуть ли не на колени, огромные дивиденды внутри страны. Как только было достигнут необходимый желаемый результат, моментально образ врага был прекращен, то есть акция прекратилась. Это умелый вариант использования образа врага для своей собственной внешней политики.

И последнее, пятый ответ. Что касается непосредственно рисков от использования образа врага. На международной арене тот, кто обладает необходимым ресурсами (США или Китай, как я сказал), естественно, они имеют больше возможностей формировать образ врага и в нужный момент прекращать, как говорится, эту агонию. Поэтому надо быть сильным для того, чтобы умело использовать этот образ врага. Что касается внутри страны, прежде всего наше общество перенасыщено различными проблемами, которые появляются вновь и вновь, это такой огромный паровой котел, в который бросают ежедневно какие-то проблемы в виде горючего материала, а выхода нет, решения нет. Мы видим: это решение намеренно или по каким-то причинам затягивается, или вообще не решается вновь. Это и борьба с наркотиками, и бесконтрольная миграция, и коррупция. Вот мы сейчас ждем все с нетерпением, подставили или не подставили Сердюкова, когда всем очевидно, что подписи [есть] под всеми документами, в нормальной стране человек уже должен понести какую-то ответственность. Поэтому предупреждение негативных последствий от образа врага в стране – это, прежде всего, честная, откровенная политика властей. Пока нас будут держать, как говорится, за лохов, для которых можно что-то посадить, можно что-то осветить, но при этом ничего не делая. И еще - это культура взаимного общения, как мы общаемся друг с другом, я приведу два примера. Выступает Обама после

победы на выборах, и что он говорит: "Друзья! Я всех вас поздравляю с этим знаменательным событием, мы победили: те, кто за нас голосовал, и те, кто против, мы все делали одно дело - мы укрепляли нашу демократию". Вот она радость какая. Выступает Путин и говорит - мы их что? «Победили! Мы их сделали!». Вот вам, пожалуйста, культура взаимодействия внутри социума.

Левашов Виктор Константинович (ИСПИ РАН): Геннадий Иванович, что происходит с обществом, если его перекармить образом врага?

Козырев Г.: Если перекармливать, много слишком врагов, то человек уже не знает, кого уничтожить первым, он растерян, как демократия, когда возникает много-много конфликтов, человек не знает, какой в первую очередь решать. Он решает потихоньку их. Нация мобилизуется тогда, когда есть очень важный единый враг, тогда она мобилизуется.

Ядов Михаил (Саратовская область): Ваши примеры, которые Вы приводили, складывается такое впечатление, что между образом врага и врагом как таковым не такая уж большая разница. Есть ли такая разница между реальным врагом и конструированием образа врага, если есть, то в чем?

Козырев Г.: Безусловно. Реальный враг дает представление о реальной опасности или уже сделанном зле, это реальный враг. Когда конструируем образ, он может быть враждебный, основанный на эмоциях: я ненавижу этого человека. Почему? Да потому, что я его ненавижу. Есть прагматичный образ, который конструируется, преследуя какую-то цель: я не ненавижу этого человека, ничего личного, но мне надо его нейтрализовать, уничтожить, потому что мне так выгодно. Как правило, образ врага он в корне отличается, когда мы жертву объявляем врагом.

Модератор: Геннадий Иванович, спасибо, позиция ясна. Развеять все мифы по поводу образа врагов я предлагаю Олегу Анатольевичу Матвейченко.

Матвейчев Олег Анатольевич (кафедры практической философии НИУ-ВШЭ, глава Московского представительства «Bakster Group»): Я когда студентом учил постмодернистскую философию, с большим увлечением читал книгу Рене Жирара "Насилие и священное", где рассматривается образ врага и жертвы священной, как основной, наверное, как основополагающей во всех человеческих культурах. Это собственно его теория – Жирара – была. Это все казалось интересным, во всевозможных мифах, фактах, легендах и т.д. Когда в суровые 90-е гг. пришлось все-таки зарабатывать деньги политехнологом, эти теории, совершенно далекие, культурологические, приходилось применять на практике. Я сам был поражен эффективностью вот этой самоидентификации, мобилизации населения именно на примере образа врага. В уральский город мы приезжаем как политехнологи и выясняем, что у действующего мэра антирейтинг - 54%, его ненавидит 54%, а рейтинг – 10%. И он говорит: как-нибудь меня изберите

мэром. Мы за месяц делаем так, что 54% за него уже голосуют, это электоральное чудо такое случается. На область смотрят: как такое может быть? Исключительно на примере, через образ врага мы доказали, что его конкуренты спонсируются одной из преступных группировок в Екатеринбурге, и они хотят захватить наш чудесный город.

И народ сказал: "Лучше наш вор, чем чужие воры". Да, чем чужие наймиты и т.д. Естественно, были приведены доказательства. Очень важно, что пока мы рассказывали, что идут бандиты, писали листовки, фотографии клеили, где стоит основной кандидат-соперник, а за спиной у него стоит центровой преступной группировки Екатеринбурга, это мало возбуждало народ. Да, какая-то часть верила, там 20-30% рейтинг прокачивался, но люди каждый день видят очень плохую дорогу (она просто отсутствует), естественно, на это реагируют гораздо сильнее, чем на абстрактную угрозу каких-то там бандитов, которые неизвестно, есть они или нет. Но когда мы, уже понимая эту проблему, специально наводнили город екатеринбуржцами, которые ходили, агитировали, делали социологические опросы, и когда весь город (хоть он пятидесятипятитысячный, все равно это деревня, в которой коммуницируют друг с другом довольно быстро) увидел, что чужие екатеринбуржцы ходят по нашим улицам, вот тогда они [екатеринбуржцы] стали осязаемым врагом. У людей сложилось впечатление нашествия на город каких-то чужих людей. И, соответственно, повестка дня сразу сменилась не на то, у кого дороги хорошие, у кого плохие, а «свой-чужой», и, соответственно, вот эти 54% проголосовали (я, причем, цифры запомнил, было минус 54%, стало плюс 54%).

Теперь возвращаемся к нашей ситуации, к большим играм больших мальчиков, не маленьких, так сказать, екатеринбуржцев. Напомню приход В.Путина с его рассказами, что было попустительством, но с рассказами оппозиции, в основном Березовского, что сначала допустили сами боевиков в Дагестан, потом взорвали дома сами в Москве, потом Путин пришел и сказал: "Мочить в сортире". Террористы были назначены главным врагом, и он стал Президентом. Не буду говорить, я был молодой, не был близко к власти, не могу сказать, насколько это могло быть (неважно, как это могло быть), но за 2007 год могу ответить: совершенно очевидно, что тогда действительно как раз внутренние враги были побеждены. Главными врагами 2000-х гг. в России были олигархи и террористы, эти главные негодяи номер один, это скорее внутренние враги, да, за ними маячили какие-то международные силы, но в основном это внутренние враги, с ними справились на 70%, куда дальше идти с таким рейтингом? И вот в 2007 году происходит странная вещь, вызывают Суркова и говорят: "Сурков, ты должен сделать вторую ногу". Единая Россия, она как-то... на одной ноге власть не может стоять. Это апрель месяц, и мы тут из партии жизни [«Российская партия жизни»], «Родины» сливаем новую партию. Сурков говорит: "Зачем нам это нужно, вроде и так зажигаем, у нас 70%, мы победим, протестный электорат растащат коммунисты и ЛДПРовцы». Как только это заявляется, протранслировалось везде, региональные

раскололись, губернаторы, страна пошла вразнос. Бывшие в подчинении родинцы-губернаторы, которые были в руках, стали заявлять: "Что такое? Мы вторая нога!". Начался кризис вплоть до того, что Сурков готов был подать в отставку, потому что он не мог управлять этой ситуацией. Еще непонятно, Миронов говорит: "Нашу партию возглавит преемник будущий". Все. Внесли деньги. Когда единороссы решили разоблачить как блеф, была опубликована пленка, где Сурков еще в апреле месяце говорил, что это вторая нога и т.д., тогда всем стало ясно, очевидно. А все ждали сентябрьского съезда партии «Единая Россия». Он состоялся, выходит Путин и возглавляет партию. Всем становится понятно, что партия наберет 70% и т.д., и т.д. А «Справедливая Россия» просто вылетела из игры, им платили зарплату три месяца, называли Миронову, искали его с пистолетом и т.д., и т.д. Это был ужас! Разгром на старте кампании. О чем это говорит? Это кризис менеджмента Путина. Искусственный кризис, который он сам решил, породил и сделал.

А теперь посмотрим на кампанию нашу президентскую. Тот же самый стиль, только в гораздо более глобальных масштабах. Теперь задействуется внешний враг с очень большим и длинным прицелом, уже не террористы. Приходит Медведев к власти, начинает «медведевскую оттепель», и у нас в обществе сразу становятся главными другие проблемы: не олигарх, не террорист, а бюрократ, чиновник, милиционер, который стреляет в прохожих и т.д. Ну, естественно, коррупционеры. Всевозможная, называя кремлевским языком, нечисть, которая ворвалась и на деньги Госдепа, а иной раз по собственному почину, начинает бороться, формировать вот эту оппозицию. Путин этому всему попустительствовал. Навальный кто его раскручивал, кто его финансировал знали прекрасно. И в ЖЖ одним моментом можно запретить, чтоб он никому ничего не показывал, ничего не делал. Это все раскручивается. Более того, перед декабрьскими выборами, когда Валерий Федоров докладывает, что рейтинг «Единой России» падает, в «Единой России» говорят губернаторам, первым секретарям: «60% выдачи», то есть обостряют ситуацию намеренно. Настолько, что совершенно понятно, что без фальсификаций [не обойтись] рейтинг падает, а у нас планка 60%. Естественно, это обострение в итоге привело к тому, что возникли фальсификации, соответствующие митинги протеста.

Вот как мы в своем городе X для того, чтобы наводнить город инородными студентами, платили этим студентам, чтобы они приехали, создали видимость врага Путин никому не платил из людей, которые вышли на Болотную площадь, площадь Сахарова и сыграли роль того самого пугала, которое должно было напугать основную массу обычного, простого народного избирателя, который в принципе где-то, может быть, не доволен Путиным (в общем-то у него масса претензий за те же дороги, еще за что-то), но он все же помнит про Украину, про Киргизию, про Молдавию, и только что прошла арабская весна, про все эти революции. Вот сидит мужик с пивом, смотрит телевизор, и когда ему рассказывают про какой-то Госдеп, про какие-то заявления, которые делает «Единая Россия» и т.д., это не перебивало, правильно Валерий сказал,

что внутренние проблемы его интересовали больше, и видимого врага этого не было. Мы же не Украина, это хохлов можно развести, они могут пойти на все, что угодно, у нас не будет никакой оранжевой революции. А вот когда этот избиратель видит 100 тыс. на Болотной площади, 100 тыс. на Сахарова и т.д., он идет и говорит: «Повестка дня - стабильность против нестабильности, голосуем за Путина». Все наблюдатели, я видел лично яблочников, говорят: «За Путина голосовали честно, действительно он получил свои проценты». Все люди на Болотной, которые были против Путина, сработали на Путина, Кремль, на меня лично. Выступили статистами, их роль отыграна, как говорится, теперь они могут спокойно заниматься чем-нибудь другим. А Путину можно сказать за кризис-менеджмент только «браво».

Модератор: Спасибо, Олег Анатольевич.

Федоров В.: Олег, а тебе не кажется, что выборы закончились, а поиск врагов или назначение этих врагов не закончились, более того оно продолжают? Если это так, то зачем это делается, если никакой прагматической цели нету, потому что выборы следующие через 4 года?

Матвейчев О.: Я Володину этот вопрос конкретно задавал: «Насколько готовится новая повестка? Какой будет следующий спектакль, так сказать? Как использовать своих врагов в своих же интересах?». Естественно, он напрямую не ответил, но дал понять, что такие вещи готовятся. В принципе можно поучаствовать в формировании некой такой интересной политики.

Модератор: То есть Вы согласны с этим фактом, что враг останется?

Матвейчев О.: А без них никуда.

Якушин: Олег, ты один из главных демиургов нашей политики последние десять лет, скажем так. Где грань, когда Вы позитивные шаги видишь? Есть ли грань, которую ты видишь, за которую нельзя переходить в создании таких виртуальных образов? Можно ведь заиграться в конце концов, когда к социальным конфликтам, к насилию в итоге все приведет. Сейчас ты видишь эту грань или нет или она настолько далека, что можно спокойно...?

Матвейчев О.: Путин все сделал довольно гуманно, произошло нормальное хорошее шоу, одни, не зная ни о чем, вышли, другие проголосовали, никого не убили в конце концов, все нормально. Когда взрывают небоскребы, а потом грабят страны - это аморально.

Якушин: Сейчас ты не видишь опасности?

Матвейчев О.: Нет, и я считаю, что Путин - вообще очень гуманный человек. Вот сейчас выступал предыдущий оратор, Геннадий Иванович, говорил о честной политике. Всегда возникает вопрос: а может Путину не играть в этот кризис-менеджмент, в эти искусственные кризисы, может, честно обратиться к нации и сказать, вот у нас такое положение? Я это называю дилеммой

капитана «Титаника». Вот когда «Титаник» врезался куда-то, у капитана есть два варианта поведения. Можно выйти к людям и сказать: мы врезались в скалу, можем потонуть, а можем спастись. У нас есть шанс спастись, если команда будет делать то-то, другие будут насосами работать, третьи - SOS включать, четвертые - шлюпки делать. Второй вариант: никому ничего не говорить, играет оркестр, все танцуют, а команда тихонечко делает свое дело. В первом варианте, к сожалению, все красиво только в теории, на практике получится так: как только человек выходит и честно говорит, что мы тонем, посыпятся вопросы: как вы допустили? почему мы тонем? как мы можем доверять такому капитану, который напоролся на айсберг? и почему ваша следующая стратегия сработает? Одни говорят: давайте шлюпки, женщин и детей. Другие говорят: нет, спасайся, кто может. Вот тут возникает паника. Тут возникают репрессии. Всякий раз, когда ты честно разговариваешь с нацией, тебе нужно понимать, что тебе нужно будет часть бузотеров, которые не согласны с тобой, либо закрыть, либо расстрелять, либо еще что-то с ними сделать. А вот когда у тебя танцуют, играет оркестр, команда тихонечко делает свое дело это довольно гуманный вариант, и Путин выбирает его.

Крупкин Павел (Центр изучения современности): 15 человек, которых в тюрьму пакуют, они как с точки зрения гуманизма?

Матвейчев О.: Я не знаком с уголовным делом конкретно, я не видел, что происходило, я, как и все, видел по телевизору репортаж, ролик, я видел, как люди не только кулаками, но и со всякой арматурой били омонцовцев, они должны за это ответить, это уголовное преступление.

Модератор: Коллеги, на этом я хотел бы поблагодарить Олега Анатольевича, предоставить слово Михаилу Юрьевичу Виноградову, последнему выступающему, а затем перейти к формату свободной дискуссии, свободных выступлений.

Виноградов Михаил Юрьевич (Фонд «Петербургская политика»): Когда коллеги предложили тему образа врага, я испытал, честно говоря, некоторое смятение, в связи с публицистичностью темы, политической перегруженностью. Периодически приходят предложения: «Образ врага», «Язык вражды в современных СМИ», и это оказывается этическим, идеологизированным акцентом. Хотя, если вдуматься, при общении с человеком у нас есть масса возможностей воздействовать на него, при общении с большим количеством людей у нас механизмов всего два: либо лесть, либо запугивание. Проблема в том, что с лестью сложно, необходимо угадывать примерную мечту, о чем мечтает человек, предлагая ее от собственного имени. Поскольку у населения России мечты определенной нет... У Валерия Федорова есть, кстати, такая фраза о мечте: «Никаких перемен не хотим, но жить так больше не можем». Наверное, полноценной мечтой назвать это сложно. Естественно все игроки, особенно в этом

году, в политике используют образы врагов, это совершенно естественно и нормально, поскольку работает. А это самое главное.

Когда Вы используете тему «Образ врага», наверное, нужно идти от узнаваемого образа, который есть у людей, собственно политическое содержание выдавать за вот эти знакомые образы. Часть людей считают, что мир конфликтен, агрессивен, все вокруг пытаются вас съесть, подсадить. Вполне логично презентовать политическую картину через ровно такие же представления и стереотипы. Популярным в обществе является тезис о неприемлемости любых изменений. Вчера на открытии форума [VI Всероссийский конгресс политологов «Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия», в рамках которого проходил данный круглый стол] говорилось, что есть американская позиция: «любые изменения - это к лучшему», а есть позиция стабилитов о том, что изменения опасны, они ухудшают и делают жизнь только хуже. Естественно, российское общество ориентировано на такую модель стабилитов, противопоставляет любым изменениям как непонятному образу.

Апелляция к агрессивности как таковой. Вот психологи исходят из того, что хотя русские презентуют себя как гостеприимную, радушную нацию, они относятся этно-психологически к достаточно агрессивному народу, что достаточно заметно, сопоставляя атмосферу на улицах различных городов. Поэтому вполне естественна такая агрессия, это очень эффективно, когда тебя боятся больше, чем тебя любят. Апелляция к войне с точки зрения запугивания войной или демонстрации, что война - гордость страны, когда страна мобилизуется против врагов или эксплуатация темы гражданской войны, которая никому не кажется реалистичной, но образ остается достаточно силен, заканчивая фантомом НАТО. Я был на Дальнем Востоке, там подошел ко мне один кандидат в депутаты местного парламента и спросил: «А это что, все правда, что там сказано?». А ролик, который показывали, был достаточно качественный и вызвал страх перед НАТО, он достаточно широко используется и властью, и оппозицией, он был очевиден фантомностью этого страха.

Ну и, конечно, самое важно - приписывание агрессивной картины оппонентам. Как, знаете, в советской школе историю преподавали, исходя из стереотипа, что русские никогда не нападали, не проигрывали ни одной войны. Это прямо не говорилось, но так или иначе все вполне улавливали этот месседж. Соответственно, приписывали оппоненту позицию противоположного.

Что касается того, кто враг конкретный, а кто абстрактный, на мой взгляд, конкретный враг это скорее хуже. Вот есть четыре модели последней политической избирательной реальности. Модель первая: конкретный враг - конкретная защита. Очевидное дело - пример Pussy Riot. Вот есть прогиб православия, а вот есть Православная церковь, оплот всего, что можно, поскольку объективно Русская Православная Церковь по своим существующим положениям, по своему

интеллектуальному потенциалу не дотягивает до тех социальных ожиданий, которые существуют по поводу РПЦ. Русская Православная Церковь пользуется большим доверием, когда она пассивна и незаметна, ожидания девальвируются на момент, когда Церковь занимает активную позицию, не дотягивает до идеального образа. Модель вторая: конкретный враг - абстрактный защитник. Достаточно сложная, потому что частный конкретный враг оказывается сильнее и пассионарнее непонятной защиты. Когда говорится об эмигрантах, об исламе, Китае, возникает опасение, что на том конце недостаточно сил противостоять этому страшному врагу, который вот у порога. Когда говорим об абстрактном враге, я даже не знаю, что лучше абстрактный враг или абстрактная защита, когда говорится о том, что пусть лучше будет так, ли ж бы вот эти не пришли. По большому счету не делается акцент на крутости власти, ее продвинутости, даже в публичных выступлениях Путина, когда он показывал свою физическую силу в середине нулевых, не делалось акцента, что власть хороша и крута, делался акцент, что остальные еще хуже. Ну, и последняя модель: абстрактный враг - конкретный защитник. Самый удачный пример кампании прошлого года, это кампания против педофилов, тема педофилов. В каждом обществе есть педофилы, но не каждый мужчина вокруг... Соответственно, на этой волне новой настигшей нас катастрофы, естественно только государство, полиция способны спасти от этого виртуального зла, кампания была более удачной, чем другие кампании 11-го года.

Как и любая технология, технология образа врага имеет свои ограничения, ключевые: 1) нужно понимать, требуется ли от вас политизация общества, потому что технология образа врага работает на политизацию общества, это не всегда хорошо, особенно для сегодняшней власти; 2) не следует много увлекаться темой внутреннего врага, кампания против Лужкова дала существенный надлом в действующей власти. Что мы получили, например, по кампании отставки Анатолия Сердюкова? По данным ФОМа, рейтинг В.Путина вырос на 4% после серьезного долгого спада. По итогам прошлой недели, когда началась серьезная кампания с Аркадием Мамонтовым и т.д., рейтинг Путина опять вернулся к 42%, потому что негатив, который транслировался о новоявленных врагах, он, конечно, отражается на саму власть. Очень трудно получается цепляться, когда и армия, и Глонасс, и суперджет основаны либо на коррупции, либо на неправильно нажитом богатстве.

Ну, и последние моменты, когда не стоит запугивать незнакомой темой очень сильно. Я не согласен с Олегом, что общество было мобилизовано в ответ на Болотную. То, что видел я: регионы не очень понимали мотивации приходящих, поэтому они отнеслись достаточно нейтрально. Ну, и конечно, опасность - увлечься и поверить, что враг действительно существует. Как в 83-ем году антиамериканская пропаганда привела к тому, что СССР, советское руководство стало реальностью для американского военного удара. Риск достаточно серьезный, на мой взгляд,

мы его перешагнули и российской власти нужно, не распыляя идеологические мифы, превратить их в более сложную политическую реальность.

Модератор. Я предлагаю перейти к свободной дискуссии, чтобы как можно большее количество участников смогло высказать свое мнение.

Левашов В.: Послушать всех нас, становится немного жутко, потому что из трех докладов складывается впечатление, что кроме технологии образа врага в России и вообще в политических процессах ничего не меняется. На самом деле, это конечно не так. Если попытаться искать какую-то альтернативу, то мы рядом с образом врага строим образ светлого будущего. Вся политическая практика складывается в правильном, оптимальном дозировании, исходя из структуры общества, исходя из его характеристик конкретных, измеряемых с помощью социологии, политологии - а что в эту практику необходимо [добавить]? Сколько образа врага? Сколько светлого будущего? Вот тот, кто угадает эту пропорцию, тот окажется в лидерах. Вот конкретный пример - кампания в США, две разные тактики Обама и Ромни, один нажал на образ врага, выстраивал его сознательно, а другой сознательно апеллировал к светлому будущему, к среднему классу. Ну, вы знаете, как он захватил сначала этот средний класс, Барак Обама, в прошлой кампании, когда напрямую обратился к ним, он тогда выиграл исключительно благодаря тому, что построил все свои речи, свою стратегию на том, что обратился к среднему классу, нарисовал позитивную картину будущего. Я не случайно задал вопрос о том, что будет с обществом, если его тупо перекормить образом врага. Произойдет насыщение, и наступит состояние аномии, человек просто перестанет ходить на выборы, он окажется отравленным этим образом врага, и ему уже становится все безразлично. Понимаете, наступает такое состояние, как вот Станиславский говорил: "Не верю я!". Вот вы меня пугаете, а я уже не верю.

Здесь Валерий [Федоров, ВЦИОМ] говорил по поводу того, что сегодня происходит с российским средним классом, почему такая аномия развилась. Произошло то, что средний класс с компьютерами, средние слои они поняли, что их использовали, как уличное мясо. Есть понятие «пушечное мясо», а их использовали как уличное мясо, их тупо выводили на улицы, ничего не обещая, не строя перед ними никакой позитивной картины, а просто-напросто каждый раз подводя итоги: а вот хорошо идут, 10 тыс., 30 тыс., 100 тыс.

Вот кратко на то, что я хотел бы обратить внимание: на мой взгляд, обязательно при анализе политического процесса сочетание не только образа врага, но и образа светлого будущего.

Козырев Г.: Образ врага - это разовое мероприятие. Если мы длительно хотим ввести этот образ врага, которому постоянно надо подкидывать жертву, то чем больше мы жертв толкаем туда, тем больше будет разжигаться образ врага. Естественно, он негативен сам по себе, когда мы

долго формируем образ врага, но он тем ярче будет формироваться, чем больше мы будем подкидывать жертв.

Левашов В.: В реальной жизни нельзя выстраивать политическую программу только лишь на абсолютизации чего-то черного, негативного или светлого и прекрасного. Необходим реальный учет той социальной реальности, политической реальности, которая перед нами. Вот тот, кто эту картину точнее отразит, кто ее донесет, кто заставит поверить избирателей вот в эту картину, он выиграет.

Модератор: Позиция ясна. Я хотел бы предоставить слово Владимиру Римскому.

Римский Владимир Львович (Фонд ИНДЭМ): Честно признаюсь, меня в этой теме заинтересовали не столько те вопросы, которые здесь были [подняты выступающими], сколько социальные последствия, которые могут быть. Дело не в том, что образ врага, что он такой вот привычный для нас, что его всегда надо поддерживать, искать, формировать. Каким в результате становится наш замечательный социум? Вот, мне кажется, об этом тоже стоит задуматься. Во-первых, как здесь было сказано всеми выступающими, образ врага определяется органами власти. Редкий случай, когда кто-то вне органов власти может найти удачный образ, который потом в политической кампании сыграет. Ну, а если это делает орган власти или Президент страны [в чем я лично сомневаюсь], получается так, что дальше этот образ развивается не только самими органами власти, там уже появляется «творчество масс», как говорил В.И. Ленин. Это явно, это видно. Просто уже начинают искать самые разные субъекты нашей политики развитие этого образа, место свое в этом процессе и творчески использовать этот самый образ врага, развивать его дальнейшие характеристики и т.д. Очень важно для эффективности кампании не мешать этому творчеству, а направлять его в нужную сторону, что мы, по-моему, и видели совсем недавно. Ну, и в результате получается, что этот образ это некий инструмент, политический инструмент. Его можно правильно использовать, можно неправильно использовать.

Какие в принципе мы наблюдаем цели такого инструмента? Ну, понятно, что это политическая консолидация. У нас это традиция. Кстати, во многих странах тоже, она довольно древняя и хорошо работает, но при этом еще и формируется некая такая убежденность в непредсказуемости, коварности врага, необходимо быть в постоянной готовности к адекватному реагированию на то, что может произойти. Что произойдет? Никто не знает. Это и создает консолидацию. И что получается? Мы в этой консолидации никогда не можем использовать то, что нам предлагает вот этот враг. Он нам говорит про какие-то проблемы, но так как это враг – значит, неправильно, не те проблемы, не те решения, мы от этого отстраняемся. Это происходит, не только потому, что нам первое лицо государства об этом сказало. А потому, что творчество масс к этому приводит.

В заключение хочу сказать о том, что у нас получается в плане социальных эффектов, неких рисков. Риск - разрушение ценностей добра и зла. Потому что вот такая конфронтация усиливает довольно архаические структуры сознания. В отличие от неких высших функций нашей психики, которые формируются культурой, которые собственно и обеспечивают и толерантность, и взаимную помощь, поддержку, солидарность. То есть здесь мы рискуем разрушить то, что является важнейшими функциями гражданского общества. Я не утверждаю, что абсолютно прав, но то, что мы наблюдаем все время, вся наша политика последних лет, она приводит все время к выводу, что у нас что-то с гражданским обществом не получается. Как-то у нас гражданское общество то ли не формируется, то ли не эффективно, то ли слабо. Вот мой ответ на это: пока будет использоваться образ врага, ничего не выйдет, потому что образ врага блокирует явления того, что и формирует гражданское общество. Перед нами такая альтернатива: либо эффективная политика, как мы ее сейчас понимаем, либо развитие гражданского общества.

Блехер Леонид Иосифович (ФОМ): [Проиллюстрируйте] тезис о том, что формирование образа врага блокирует формирование гражданского общества, на примере одной из европейских культур.

Римский В.: О, нет, про европейскую культуру не могу, про нашу могу. Там, может быть, это не так, я не изучал эти культуры. Но про нашу это совершенно точно, потому что, вот смотрите, наши демонстрации, о которых шла речь на мой взгляд, большинство участников выходило с гражданскими требованиями справедливости, иного социального порядка, отвергнув какой? Политический. Давайте снимем кого-то, давайте кого-то назначим.

Блехер Л.: В этих демонстрациях не эксплуатировался образ врага?

Римский В.: Эксплуатировался. Конечно, нам же только что объяснили, я с этим согласен. Откуда вообще взялись вот эти протестные акции? Как это произошло? Когда люди попытались переломить эту ситуацию, сказать, да нет, мы же пришли посмотреть друг на друга, пообщаться с теми, кто исповедует те же самые идеи, мы хотим увидеть, что мы сила, а им стали говорить в ответ, да нет, вы же не то говорите, вы должны бороться против нашего врага. Вот и соответственно разрушили... Я не утверждаю, что я прав. Я предлагаю задуматься над этим.

Модератор: Коллеги, передаю слово Григорию Кертману.

Кертман Григорий Львович (ФОМ): У нас сходная ошибка, мы говорим об образе врага, как исключительно логическом конструкте. Между тем существует базовая ткань политики, которая заключается в том, что возникает общность «мы», в ответ на «они». Дополитическая, досоциальная зависимость. По гениальной догадке Поршнева, первыми «они» были неандертальцы, отсюда возникает человеческое общество. Нет четкой грани между нормальным

разделением своих и чужих в политической сфере и собственно образе врага. Конечно, есть степень естественной диспозиции той или иной власти, конечно, есть риск. В России риски особенно высоки, потому что культура не диверсифицирована идеологически, в политической структуре и т.д. Очень легко довести поляризацию при помощи образа врага гораздо дальше, чем в любой стране с давними традициями демократиями. В этом опасность. Самая страшная опасность - довести до реального социального взрыва. Но есть опасность власти, которая играет с образом врага, и опасность эта заключается в том, что объявив какие-то силы и используя определенную методику, власть берет на себя обязательства этого врага уничтожить. И если она по прошествии выборов это обязательство не выполняет, то дальше начинается бумеранг, власть оказывается слабой в глазах общества, власть рискует полностью дискредитировать себя. Не самая идеальная аналогия, но когда Рейган объявил Советский Союз империей зла, он страшно рисковал, потому что империя зла религиозное понятие. Если бы все не повернулось так, как повернулось, Рейган проиграл бы свою репутацию в американской системе. Вот это опасная игра, хотя игра в поле, где не может не быть в той или иной степени разыгрывания этой карты. Минимизировать риски от использования образа врага, власть, равно как и политическая оппозиция, не могут, это их хлеб, они не могут не пользоваться этим инструментом, не конкурировать более радикальным и эффективным использованием этих инструментов. Извините, гражданское общество, не способно ничего противопоставить политикам.

Какие есть пути минимизации рисков, связанных с образом врага? Во-первых, чем диверсифицированнее в обществе ролевая идентичность, чем диверсифицированнее повестка дня, тем менее эффективен образ врага. Вот базовые понятия. Во-вторых, можно иногда в некоторых обстоятельствах деперсонализировать образ врага, это очень сложно. Когда, я не знаю, Джонсон объявил войну с бедностью, это была война, сама риторика войны, войны с бедностью. Некая проблема является врагом. База противостояния общества консолидируется не против политической силы, некоего сообщества, а против некой проблемы.

Но самое главное, что можно сделать, это, конечно, диверсифицировать повестку дня. Поскольку все это [круглый стол] организовал ВЦИОМ, здесь, на мой взгляд (сейчас я скажу абсолютно серьезно), здесь роль подобных организаций ВЦИОМа и ФОМа критически важна. Потому что [они дают] постоянные демонстрации [иллюстрации] того, что по самым разным вопросам люди думают: 60% так, 20% так, а 20% затрудняются. А по этому вопросу, наоборот, и т.д. Вот когда идет постоянная демонстрация, просвещенная публика, просвещенный гражданин имеет возможность сказать: да, вот сейчас я в этой группе, а сейчас в этой. И вот это способствует диверсификации идентичности и пониманию сложности общества, что становится основной преградой на пути формирования образа врага. Вот этому гражданское общество, во-первых, и социология, во-вторых, могут способствовать в огромной степени.

Модератор: Огромное спасибо за такое эмоциональное пунктирное выступление, я хотел бы предоставить слово Павлу Крупкину.

Крупкин П.: Я бы хотел затронуть пятый пункт программы: как можно будировать образ врага, и как вообще с ним можно работать. Вот есть разумное, доброе, вечное, и хорошо бы обойтись без врагов, и чтобы антилопы возлегли рядом со львами и т.д. Но, как вы заметили из выступлений предыдущих ораторов, такой рефрен звучит, и можно вывод сделать, что, к сожалению, образ врага постоянный, и он будет постоянно эксплуатироваться. Вот здесь мне кажется, можно было бы немножко посмотреть повнимательнее, сменить повестку дня, сменить постановку задачи - с фиксирования врага на какие-то ограничения по его грамотному использованию.

В этом плане я хочу опереться прежде всего на тот факт, что конфликт также естественен, как и кооперация. Это даже до человека, до социальности, что-то архетипическое, а враг возникает как какой-то предел стороны конфликта. То есть если у нас конфликт естественен, то у нас всегда есть стремление догнать партнера по конфликту до какого-то предела, где он возникает как враг. Для чего это нужно, сегодня уже много отвечали. Совершенно великолепный момент мобилизации сторонников, мобилизации ресурсов и т.д. Это работает, просто факт. Я не буду моделировать, но действительно какая-то архетипика работает с тем, что это действительно выгодный и ценный ресурс.

Теперь возникает вопрос, можно ли это купировать совсем? Такая вещь, как организовать сторонников, вряд ли кто на это пойдет. Другое дело, посмотреть, если это возникает в пределе, то можно поставить проблему граничного условия, а если нету никакого граничного условия, то мы можем довести ситуацию до врага, которого нужно уничтожить. А с другой стороны, если мы посмотрим на предел, то на пределе мы можем ослабить резко ситуацию, если, например, у нас есть общие ценности, общее видение прекрасного будущего или что-то такое. Когда у нас политическая целостность является ценностью, то мы можем остановиться, а остановиться мы можем, вот достаточно выход примитивный: переведа все в игру. Когда дерутся на ринге, они дерутся по-серьезному, но после боя они спокойно жмут друг другу руки, спокойно расходятся. Мне кажется, правильная постановка не купировать образ врага, а грамотно поработать с установкой этих граничных условий, найдя какое-то общественное согласие вот в этом месте.

Козырев Г.: Соревнование и конфликт - разные вещи. Прежде всего, спортсмены стараются повысить свою компетентность, поэтому боксеры жмут руки, или допустим, когда бегут по своим дорожкам, совершенно не пересекаясь, чтобы проявить свою способность. Также с конкуренцией, если она нормальная конкуренция. А конфликт предполагает перекрыть другому возможность достижения цели, поэтому сравнивать спорт и конфликт – не корректно.

Крупкин П.: Если мы не собираемся работать с граничным условием, то все будет и так. Я вам напомню, не на этих выборах и на этих выборах в принципе тоже было. Например, во Франции Саркози после выигрыша на предыдущих выборах выходит и говорит: «Господа, все, поигрались, хватит, теперь я президент всех французов, вы все мои».

Модератор: Спасибо! Сергей Владимирович Акопов хотел бы свою точку зрения выразить.

Акопов Сергей Владимирович (кафедра политологии СЗАГС: Уважаемые коллеги, для меня большая честь высказать свое мнение здесь, в стенах МГИМО. Здесь заявлен в том числе вопрос о том, может ли идея общественного согласия, кооперации и дружбы стать более эффективной и конкурентоспособной, и мне показалось, что сегодня конкретно про дружбу никто не говорил. Мне было очень интересно послушать коллег, там были близкие очень мне мысли, в частности по поводу дифференциации ролевых идентичностей. Почему так произошло, что мы все сконцентрировались только на обсуждении образа врага? Наверное, потому, что нам неинтересна эта тема [дружбы, консолидации], иначе мы ее как-то бы затрагивали. Может, мы в нее не верим, воспринимаем ее как утопию. Мне кажется, это и есть самая большая проблема, которую я сейчас ощущаю, проблема общества, в котором я живу. Я спрашиваю себя, в каких условиях невозможно, трудно себя представить образ врага, могут ли быть какие-то такие пространства в нашем обществе? Я живу в Петербурге, когда бываю в Эрмитаже на выставке, там я не чувствую присутствия образа врага. Когда я хожу по коридорам МГИМО, я тоже не ощущаю образа врага. Мне кажется, единственная реальная возможность как-то уйти от этого, от фокусировки на враге, и прежде всего понимание того, что наши идентичности, которые мы выстраиваем, строились по принципу, когда мы тянемся в отношении друг за другом внутри нашей страны или во вне. Всегда, конечно, будут другие. Но прежде всего эти другие должны быть положительные. Это нужно начинать, прежде всего, с Круглого стола по поводу образа друга, обсуждения в этом направлении. Если мы зададим такую повестку, мы автоматически уменьшим образ врага. Когда мы говорим об образе врага, мы только преумножаем это понятие в этой аудитории. Спасибо!

Модератор: Коллеги, позиция ясна, может быть, она более чем спорная, но тем не менее, имеет право на существование.

Блехер Л.: Я просто хочу напомнить, что уровень культуры, которая принципиально с самого начала такая вот европейская культура, она не симметрична по отношению к созидающему и разрушающему началу, добро и зло у нас принципиально различны.

Левашов В.: Вы имеете в виду европейскую культуру или вообще?

Блехер Л.: Христианскую культуру. И поэтому у нас, у искусства, у представления в обществе и т.д., всегда настоящий абсолютно реальный образ врага, разрушительного начала, хаоса. И вот

эти вещи граничат в том, что из разрушительного начала, в современном массовом обществе мы его как бы вешаем на человека, на тип человека, это в общем-то, опошление культурного естественного начала. То, что мы строим, отчаянно сопротивляется разрушительному началу. Вот эта борьба со злом, которая на земле не может победить, никогда не должна останавливаться, это основа нашей культуры. И поэтому вот эти слюни по поводу того, что это как-то можно заменить кооперацией, соревнованием и т.д., это не очень-то культурный момент.

Левашов В.: А как с восточными культурами быть?

Блехер Л.: Как они обходятся, я не знаю, я говорю о том, что сделало европейскую культуру хозяйкой всего мира.

Модератор: Это была позиция Леонида Иосифовича Блехера. Коллеги, у кого есть желание подвести собственные итоги?

Левашов В.: Я думаю, что здесь много прозвучало продуктивных и ценных мыслей, в первую очередь была мысль про то, что «мы» и «они», то, что Адорно писал в своей книге по поводу того, что все это идет от дикости все это вечно будет эксплуатироваться. Да, это так. Действительно на уровне бессознательного и мобилизации этого бессознательного, противопоставления рациональному, вот это очень важно. Я не вижу, почему кооперация, сотрудничество не могут быть противопоставлены разрушению. Вопрос заключается в разумности и общественных ценностях.

Теперь по поводу гражданского общества. На мой взгляд, надо рассматривать общественно-политический процесс в модели становления массового гражданского общества, причем не только в нашей стране, а массового глобального общества. Во то, что произошло в Штатах, и то, что происходит в нашей стране, это действительно мобилизация, исправление противоречивого этнически сложного гражданского общества. Оно идет с конвульсиями, оно идет с задержками, оно стопорится где-то на определенных этапах, но то, что происходит огромный подъем масс к политическому процессу это абсолютно точно. Та политическая коммуникация, которая изменилась на протяжении последних 20 лет, величайшее тому свидетельство. То, что можно было сделать год тому назад, когда людей с помощью компьютеров вывели на Болотную площадь, это лишь подчеркивает закономерность, что рано или поздно вот этот сознательный гражданин, он будет подтянут до сознательного рационального процесса. Как это будет происходить? Ну, наверное, сейчас трудно сказать, но то, что мы должны включиться в изучение этого процесса, то, что мы должны увидеть там некие закономерности, абсолютно ясно. Здесь и социологам, и политологам огромная, большая работа. Опросы, понятие закономерностей, что работает, что не работает, можно ли минимизировать вот эти страхи или их купировать нужно, это все проблемное поле. В этом плане наша сегодняшняя дискуссия очень хороша.

Козырев Г.: Я буквально два слова скажу в поддержку предыдущего оратора. Почему? Потому что существуют различные теории взаимодействия, идеология врага и друга. Если мы возьмем теорию Шмидта, которая формировалась в условиях фашистской Германии, то там кто друг, кто враг четко. Это тоталитарная идеология, которая характерна для авторитарных режимов. Есть социальный подход к конфликту, который предполагает, что врага не надо до конца уничтожать, враг уже превращается в противника, надо оставлять шанс для того, чтобы с ним можно было взаимодействовать. Это уже такая модернистская теория. Есть постмодернистская теория, которая гласит, что если враг будет врагом, то его не надо уничтожать, в других случаях он может быть другом, поэтому есть такая теория: «дружественный враг и враждебный друг». Это и есть теория гибкой политики, которая должна исходить прежде всего из наших интересов.